

Copyright © by Josef Bar-Josef
All rights reserved. No part of this book may be used in any manner whatsoever, especially for theatrical or/and movie purposes, without written permission
© «Текст», издание на русском языке, 2001

Перевод с иврита Светланы Шенбрунн

Сад

Нечто вроде комедии в двух действиях

Действующие лица:

Менаше Циркин — пожилой вдовец.

Боаз — его старший брат.

ЦвИЯ — их младшая сестра.

Ида — вдова, преподаватель классического танца, новая репатриантка из России.

Три ученицы Иды.

Гостиная в доме Менаша Циркина. Это старый солидный дом в небольшом городке. Помимо входной двери и дверей в спальни Менаше и Боаза, имеется также широкая двухстворчатая стеклянная дверь, ведущая в сад. Непосредственно за этой дверью располагается небольшой хозяйственный домик, за ним — сад. Ветви апельсиновых деревьев нависают над дверью и заглядывают в гостиную.

Действие происходит в наши дни.

Действие первое

Картина первая

День клонится к вечеру. ЦВИЯ сидит возле большого старинного стола. БОАЗ в сильном раздражении расхаживает по комнате.

ЦВИЯ. Перестань ты наконец маячить!

Боаз останавливается против нее и смотрит вопросительно.

Продолжай, продолжай — маячь!

Боаз возобновляет свое хождение.

Я уже волнуюсь. Где тут можно столько разгуливать? Выгляни, посмотри — может, они возвращаются. Все равно ходишь...

БОАЗ (останавливаясь против Цвии). Женщина! Жена! (Продолжает ходить.)

ЦВИЯ. А с другой стороны, может, это добрый знак: может, и сладится... Почему бы и нет? Начать все сначала — чистое удовольствие! Когда женятся молодые, в первый раз, очень уж много всяких желаний. И то нужно, и это — сделать, купить... Просто сил не остается жить. А они уже устроенные — все свое переделали, могут и пожить наконец. Мне-то беспокоиться не о чем — мой Хаим здоров... Нет, я тут скоро усну на стуле! Может, ты все же выглянешь?

БОАЗ. Почему вдруг жена, а?!

ЦВИЯ. Она ему понравится — Мирьям, я уверена. Как раз то, что ему нужно. Старательная, бережливая, тихая. Он ее и не почувствует. В точности вторая Рухама, чтоб ей земля была пухом. Даже голос похож. И с носом что-то такое... (Хрюкает, изображая Рухамин нос.) Он и разницы не заметит. С той я ошиблась, это верно. Вначале была тихая, скромная, ну, прямо дитя малое, сосисочка несмышленная! А после пошли требования — куда там! И пенсию ей подавай, и сбережения, и дом! Она бы и сад потребовала на свое имя. Все, чего за тридцать пять лет у своего муженька не добились, все решила ухватить за последние годочки с чужим! Как же — свеженький вдовец, горяченький калачик! Менаше сразу ее раскусил. Он прав: не имущество главное, главное порядочность. Честность!

БОАЗ. Для чего вообще нужна жена?! Мало было Рухамы? Сорок лет! Нужна еще одна?

ЦВИЯ (проводит пальцами под столом, показывает пыль на ладони). Вот для чего! Гляди!

БОАЗ. Да? А кто тебе велит совать под стол свои лапы!

ЦВИЯ. И то верно — это я так, по привычке. Тут не требуется искать под столом. (Проводит рукой по крышке стола, снова показывает пыль на ладони.) Видишь!

БОАЗ. Пылесос пускай купит, а не жену.

ЦВИЯ. Да уж хотя бы для того, чтобы оставаться с тобой под одной крышей, он обязан жениться! Чтоб хоть было с кем делить ношу! Ты не такое уж большое счастье, Боаз. Ты из кого хочешь душу вынешь.

БОАЗ. Я должен еще быть счастьем? Между прочим, из людей нужно вынимать душу — это как раз то, чего они заслуживают.

ЦВИЯ. Будто с животными ты был лучше! Ветеринаром он хотел быть!..

БОАЗ. С животными? Какие животные? Просто скоты! Сегодня, если хочешь знать, и животные ничем не лучше людей, один черт! Только одно название, что животные: собака, корова! А глаза? Глаза человечьи! Так и молят, так и просят: милосердия! Спаси! Дружбы жажду, любви!..

ЦВИЯ. Хватит тебе, Боаз! Нельзя так дальше. Не думай, лучше не станет. Молодеть вы не будете. А я за вами смотреть не могу. Работница тут тоже не много поможет. Очень даже быстро окажетесь оба в доме престарелых. Там тебе слаще будет? Мирьям — это и для тебя прекрасный выход. Во всяком случае, лучше, чем дом престарелых. И дешевле. С нее достаточно пообещать квартиру и пенсию. Женщина скромная, честная — своя. И ты мне не мешай! Пока я его уломала хоть попробовать подыскать кого-то — полгода ушло. Вообще, одно то, что он согласился, уже доказывает, до чего он устал. Ему нужна жена.

БОАЗ. Мне в этом доме не нужна никакая жена!

ЦВИЯ. Она не для тебя, Боаз, она для Менаше.

БОАЗ. Да, как Рухама! Жена она была его, а терпел ее я! Он ее не видел и не слышал. Важный господин, городской голова! Его и дома-то никогда не было, вся тяжесть на меня обрушилась. По пятам за мной ходила, как приклеенная, — то пыль вытирает, то пуговицу пришивает, а рот при этом ни на секундочку не закрывается!

ЦВИЯ. Я тебе уже сказала: Мирьям не такая, она тихая.

БОАЗ. В точности как Рухама! Та тоже при нем была тихая, боялась слово сказать. А со мной так и трещала, так и мола! Только он за порог, она тотчас: «Сейчас ковер вытряхну... Сейчас лук пожарю...» Пока не объявит, ничего не сделает: «Сейчас кастрюлю почищу... Сперва песочком почищу, а после мочалкой железной надраю...» Так весь день и трудилась не покладая языка и рук!

ЦВИЯ. Теперь он никуда не уходит, целый день сидит дома. Самое большее, в саду немного повозится.

БОАЗ. Ничего, появится жена, опять уйдет. Разумеется, женатый человек, нормальный, рассудительный, преуспевающий — не чета старшему брату. Враки! Он в сто раз ненормальнее меня. Он-то и есть настоящий мизантроп. Где, спрашивается, его детки, если уж он был женат? А? Нет, она тут ни при чем, это все брехня! Он не хотел! Еще бы — дети-то потом станут людьми! Главное, дом и сад отхватил — это пожалуйста!

ЦВИЯ. У тебя, Боаз, память отшибло. Мы с тобой тоже кое-что получили. Папа и мама были не такие родители, чтобы кого-то обидеть.

БОАЗ. Получили! Сколько нищим подают — столько мы получили!

ЦВИЯ. Мы с Хаимом не так уж плохо распорядились деньгами. Ну, и работали, понятное дело, как лошади. Кое-чего добились. А тебе никто не виноват, что ты свою часть пустил псу под хвост!

БОАЗ. Не твое дело, куда я ее пустил! Сует свой нос... Я, по крайней мере, не был таким ослом, чтобы работать как лошадь!

ЦВИЯ. Так ты и выглядишь. Я, к счастью, похожа на Менаше. Когда я об этом думаю... Девочки мои тоже на него похожи. Совершенно тот же нос.

БОАЗ. Да? Мой нос все же вышел поудачнее. А девочкам твоим подходит только нос с садом, да?

ЦВИЯ. Что ж, сад — хорошая вещь. Это тоже отражается.

Боаз смотрит на нее пристально, будто что-то соображая.

В чем дело? Чего ты на меня уставился? Вынюхивает, будто что-то учуял!

БОАЗ. Участок я учуял, участок! Так и светится у тебя в глазах — хорошенький строительный участок. Надеешься вытянуть для своих доченек! Мирьям аккуратная, Мирьям бережливая, деньги ему не понадобятся... Думаешь, он отдаст его тебе, а уж ты продашь повыгоднее, поделишь на участки!

ЦВИЯ. Что ж тут такого? По-моему, вполне естественно. Им нужно. Он женится себе, будет всем обеспечен, не захочет так много работать. Он никогда по-настоящему и не работал в нем. Теперь только, от одиночества. А когда женятся, хотят уже отдохнуть.

БОАЗ. Не-е-ет! Ни в какой строительный участок вы его не превратите! Вы до него не дотронетесь! Это мой сад!

ЦВИЯ. Да ну?!

БОАЗ. Да! Да! Я его вырублю, я! Выкорчю его! С корнем! Только я!!!

ЦВИЯ. И что тебе с этого будет?

БОАЗ. Что будет? Корни будут торчать из земли — вот что будет! Воздух будет, ветер! Я... Тихо, они возвращаются.

МЕНАШЕ входит в дом, позевывает, будто со сна.

ЦВИЯ. Что случилось? Где она?

МЕНАШЕ. Кто?

ЦВИЯ. Она — Мирьям.

МЕНАШЕ. А-а...

ЦВИЯ. Что — а? Поссорились, что ли? Или что?

МЕНАШЕ. Нет.

ЦВИЯ. Так где же она?

МЕНАШЕ. Не знаю.

ЦВИЯ. Что значит — ты не знаешь? Вышли прогуляться...

МЕНАШЕ. Да.

БОАЗ. Он ее убил!

ЦВИЯ. Ты молчи! (Менаше.) Что с тобой? Где вы были?

МЕНАШЕ. На кладбище.

БОАЗ. Убил и закопал!

ЦВИЯ. Почему вдруг на кладбище?

БОАЗ. А где еще? В опере? Никак не возможно! Не видишь? Он даже не побрился. Щетина как у покойника. Покойники не бреются.

ЦВИЯ (Менаше). Ответь мне!

МЕНАШЕ. Там воздух чистый, еще не изгадили.

БОАЗ. Смотрите: зарыл и речь толкает — экология!

ЦВИЯ. Замолчишь ты? (Менаше.) А потом? Пошли на кладбище, а потом?

МЕНАШЕ. Сели возле могилы Рухамы.

ЦВИЯ. Ну — и?..

МЕНАШЕ. Она задремала.

БОАЗ. Еще бы! С ним-то!..

ЦВИЯ. А ты?

МЕНАШЕ. Я тоже вздремнул.

ЦВИЯ. Ну, а после, когда встали?

БОАЗ. Он оставил ее там спать вечным сном! Всех своих женщин он оставляет на кладбище! Менаше усаживается, снимает ботинки, надевает сапоги.

ЦВИЯ. Оставил ее спать на кладбище?

МЕНАШЕ. Не знаю. Я не видел.

ЦВИЯ. Что значит — не видел?! Была она там, когда ты встал, или нет? Она возле тебя заснула, не так ли? Как ты мог не видеть?

МЕНАШЕ. Она сидела с другой стороны памятника.

ЦВИЯ. И ты встал и... Встал и... И ушел! Не мог заглянуть на другую сторону? Так, поворотить чуть-чуть голову — не мог? Она что, не человек? Нет, это ты не человек!..

Менаше уже в сапогах, распаивает стеклянную дверь, останавливается на пороге, смотрит на сад. Сад освещен лучами заходящего солнца, от него исходит зеленовато-голубое сияние.

(Собирает свои вещи.) Все! Что касается меня, то я с этим покончила! Женись на Боазе! На здоровье! Будете сидеть себе тут вдвоем и гнить, возле этого поганого стола. На саде своем

женись! Как же — ради сада он просыпается, сапоги обувает! Не полагается тебе никакой жены. Пусть он о тебе печется. Всему есть предел! Я тоже кое-чего хочу, но я человек, у меня есть понятия, гордость есть — да, представьте, с моим ревматизмом! Мой сад — это люди, а не поленья! (Направляется к выходу, останавливается.) Можешь не давать мне ничего, все и так очень скоро станет моим, да — такими-то темпами! (Выходит.)

Сияние сада меркнет, в комнате воцаряется полутьма. Менаше садится, опускает голову.

БОАЗ. Герой! Влезит по ночам в сапожищи и отправляется трудиться в саду. Ничего, еще немного, и вправду уснешь. Навеки! Женился вперед меня, обскакал брата, теперь снова обскачешь — первый сдохнешь!

За деревьями появляется ИДА. Не знает, в какую сторону двинуться, ищет проход.

МЕНАШЕ (открывает глаза и видит ее). Что?..

БОАЗ. Что — что? Какое — что?

МЕНАШЕ. Женщина..

ИДА скрывается за деревьями.

БОАЗ. В башке у тебя! Твои женщины на кладбище. Те, которые в саду, — мои. Я взял Нузу возле пруда, а не ты! У тебя нет времени, трудиться надо. Меня никакой запах не напугал. Дал ей кусок хозяйственного мыла, чтоб вымылась, и порядок. Никакой несчастной работницы — женщина!

Прекрасная женщина — весь сезон! А ты — ты женился на Рухаме, нормальный здравомыслящий человек!..

ИДА (вновь появляясь из-за деревьев). Кто там? Шалом!

БОАЗ. Ответь ей!

ИДА. Шалом! Нет никого?

БОАЗ. Ответь! Почему ты не отвечаешь?

ИДА. Я слышу, кто-то... Есть там дом, правда?

Боаз включает прожектор, освещает сад.

(Свет слепит ее.) Шалом! Меня зовут Ида. Очень приятно. Ида, преподаватель классического танца. Новая учительница, из России. Эти цветы, это все будут плоды апельсинов, правда? Какой аромат! Даже листья благоухают... Само дерево благоухает. Как цветок... Где же вы? Я ничего не вижу... Как отсюда выбраться?

Менаше выключает прожектор, зажигает свет в доме и остается стоять в стороне.

Спасибо, большое спасибо, теперь я вижу. Шалом! (Заходит в дом. Ноги ее измазаны в грязи, одной туфли не хватает. Она обращается к Боазу.) Там дыра в заборе, я пролезла. Я должна была...

Вдруг... Я год в Израиле. Все нет времени, только бегать, ездить, искать работу. Вдруг иду по улице и вижу сад — так близко, такой роскошный... Мой отец каждый год покупал апельсины из Палестины. Три штуки. Очень дорогие. Это было давно, после революции. Стояли у нас на буфете и так пахли!.. Долго... Потом запах кончился, и папа чистил их — осторожно так, осторожно... Мы все стояли вокруг и смотрели. Он вечно сердился — такой был человек, хороший человек. А когда чистил апельсины, так весь и светился. Красивый становился, веселый... Смотрел на апельсиновую кожуру, а видел Палестину...

БОАЗ (не спускает глаз с ее ног). Грязь!

ИДА. Простите?

БОАЗ. Вы весь дом перемазали грязью.

ИДА. Да, спасибо.

БОАЗ. Она затоптала твои канавы!

ИДА. Простите?

БОАЗ. Оросительные канавы, в саду — вы их затоптали.

ИДА. Может, тут кто-нибудь хочет учиться балету?

БОАЗ. А?

ИДА. Балет. Я преподаю классический танец. Мы организуем кружок. Потом будет ансамбль.

Городской совет, отдел культуры. Я потому и шла по улице: я ищу учениц, которые хотят балет.

БОАЗ. Тут? Хотят балет?

ИДА. Может быть... Я не знаю... Такой красивый дом — в хорошем стиле, наверно, кто-нибудь хочет. Можно даже без всякой подготовки. Возраст тоже не важен. У нас есть даже одна девушка в положении...

БОАЗ. Тут нет никого в положении!

ИДА. Нет девушек? Женщин?

БОАЗ. Тут женщины на кладбище.

ИДА. Да, я понимаю.

БОАЗ. Нет, вы не понимаете!

ИДА. Нет.

БОАЗ. Зачем же вы сказали: да?

ИДА (изо всех сил старается оставаться веселой). Я так рада — такой прекрасный сад, настоящий живой сад! Я давно так не радовалась. Я не могу без радости. Большое спасибо, правда.

БОАЗ. Никаких «спасибо»! Сначала говорят «спасибо», а потом чего-нибудь требуют.

ИДА. Что вы! Вы мне уже дали — этот сад... Это ваш сад, не правда ли?

БОАЗ. М-м-м-да... В общем, да.

МЕНАШЕ (выходит на середину комнаты). Мой.

ИДА (только теперь наконец замечает его, говорит с усилием). О, разумеется, такие сапоги... и такие руки... Вообще все... Сразу видно... Человек с садом! Боже мой... Все, как и должно быть: красивый человек, вообще... (Обнимает его, целует.) Спасибо, большое спасибо! (Словно придя в себя, оставляет его и отступает.) Я слишком устала, я думаю. Я преподаю классический танец. Преподаватель классического танца не должен ходить по домам и выспрашивать, кто хочет заниматься. Как торговка спичками... Я уже не девочка. Мне сказали: все будет в порядке. Студии нет. Совершенно сырое бомбоубежище. Там невозможно работать. Я хочу работать, ради этого я приехала. Я приехала из Иерусалима. До свиданья! (Хочет выйти в сад.)

БОАЗ (останавливает ее). Не отсюда!

ИДА. Да, большое спасибо. (Не знает, куда направиться, идет к спальне Боаз.)

БОАЗ. Это моя комната! (Указывает на входную дверь.) Там!

ИДА. Большое спасибо. (Идет к двери, останавливается.) Ничего. Нельзя отчаиваться. В конце концов все получится... Балет... Израиль... Израиль и балет. Тут ведь не Россия, никакого мороза, не холодно — отчего бы и не походить по домам. По крайней мере, увидеть дома. Очень красивый дом, в прекрасном стиле... И такая большая комната... Можно было бы устроить настоящую студию. До свиданья, было очень приятно. (Выходит.)

БОАЗ. Эй, ой! А грязь? Кто будет грязь подтирать? (Глядя на пол.) Смотри, какие смешные следы: так и ушла в одной туфле! (Подходит к двери, распахивает ее, смотрит Иде вслед.) Она оставила тут свою туфлю! Я говорю: в саду осталась туфля! (Менаше.) Что ты молчишь?!

Картина вторая

Спустя два дня, после обеда. Дверь в сад закрыта. МЕНАШЕ сидит возле стола, поджидает Иду. Размышляет по поводу ее туфель — что с ней делать, спрятать или, напротив, положить на стол. Из сада доносится какой-то шум. Менаше подымается с туфель в руке, открывает дверь в сад. На пороге БОАЗ.

МЕНАШЕ (прячет туфлю за спину). Ты!..

БОАЗ. А ты думал кто? Она? Опять? Каким образом? Ты же заделал дыру, я сейчас видел. Ждет, чтобы пришла, а сам заделал дыру! Лишь бы только заделать! В кои-то веки что-то интересненькое в саду — дыра, — так он взял и заделал! Почему бы не оставить? Она бы пришла снова — искать туфлю. Потеряла бы другую. Я все время ем себя поедом: отчего не пошел за ней следом — поглядеть, как она вышагивает по улице в одной туфле! Женщине так и положено быть: в одной туфле! Да, это согревает сердце...

МЕНАШЕ. Ты сказал, что идешь в кино на дневной сеанс.

БОАЗ. Как я пойду? На какие шиши? С твоих щедрых подачек? Дает гроши — как младенцу!

МЕНАШЕ. Я дам тебе денег, иди.

БОАЗ (замечает туфлю). А, туфель! Так ты нашел! Когда? Почему не сказал мне? Я весь день ищу как сумасшедший, не иду в кино, ползаю по грязи — все ради этой туфли, а ты... Что ты намерен с ней делать?

МЕНАШЕ. Бери деньги, бери! На еще, купи себе фисташек.

БОАЗ. У тебя жар? Все из-за туфли? А, ты хочешь пойти в полицию, я тебя знаю! Подашь жалобу. Зашла в твой сад! Как с Нузой — завалить, так он ее пожалел, а выгнать — нет, не пожалел!..

МЕНАШЕ. Я верну ей туфлю.

БОАЗ. Вернешь? С какой стати? А, ну понятно! Купила тебя: какой сад, какой аромат! Все над ним издеваются, над этим садом. Ты и сам не веришь, каждый день стоишь и смотришь — я видел.

МЕНАШЕ. Иди домой.

БОАЗ. А как ты вернешь? Пойдешь к ней? Так и пойдешь — с туфель в руке? По всему городу? Менаше Циркин, уважаемый господин, с весом, с общественным положением — и с туфель в руке! С башмачком преподавателя классического танца!

МЕНАШЕ. Она сама скоро придет сюда. А ты пойдешь в кино.

БОАЗ. Что значит — придет? Это по какому же праву?

МЕНАШЕ. Я ее пригласил. Хватит, Боаз!

БОАЗ. Как это — пригласил? Я не желаю в кино! Я должен видеть! Я тебе помогу. Будем двое против нее! Это будет прекрасно!.. Ты да я, мы двое вместе!

МЕНАШЕ. Давай отправляйся.

БОАЗ. Куда я отправлюсь! Сеанс уже начался. Раньше надо было раскошелиться.

МЕНАШЕ. Мне безразлично — куда! Можешь болтаться на улице. Иди, убирайся!

БОАЗ. Да, болтаться по улице!.. Ты забыл, что ты обещал маме, а? О чем она просила тебя перед смертью? Хорошо ко мне относиться — вот что ты обещал маме на ее смертном одре!

МЕНАШЕ (тихо). Иди в свою комнату.

БОАЗ (делает несколько шагов в направлении своей спальни, останавливается, говорит тихо, с обидой, едва ли не со слезами). Иди в свою комнату! Самое лучшее, что ты способен сказать, когда я напоминаю тебе о покойной маме. Вершина твоего хорошего ко мне отношения. Иди в свою комнату!.. Даже не кричит — зачем? Я тут хуже собаки. Что ж, я слушаюсь, я иду. (Внезапно переходит на крик.) Я что, сын твой?! Он содержит меня, как же, заботится обо мне!.. Заботься о своих детках! Кто тебе мешал надеть детей? погоди, я еще уйду от тебя, увидишь! Что тогда станешь делать без меня? Как будешь умным? Солидным? Нормальным? Ты ведь каждое утро встаешь, глядишь на меня и радуешься: я — не Боаз, нет! Набираешь полную грудь воздуха и начинаешь дышать свободно. А без меня? Без меня ты задохнешься сам с собой! Помрешь в одночасье. Да! Так и знай: еще раз скажешь: «Иди в свою комнату!» — тихо так, а я — я не пойду! Увидишь!..

Стук в дверь.

МЕНАШЕ (тихо). Иди в свою комнату.

БОАЗ. Ш-ш-ш!.. Тише! Это она. Только не при ней! Я ухожу, да.

Выходит. Снова стук в дверь. Менаше усаживается за стол.

МЕНАШЕ. Войдите!

ИДА (заходит в комнату). Шалом!

МЕНАШЕ (небрежно). Шалом.

ИДА (всем телом оборачивается к саду, жадно вглядывается в него, спохватывается вдруг, обращается к Менаше). Извините, сад... Сейчас он еще красивее — весь залит солнцем. Такой зеленый!..

МЕНАШЕ. Сад — зеленый.

ИДА. Простите?

МЕНАШЕ. Сад не бывает синий.

ИДА. Да, разумеется. Я только имела в виду... Что он такой зеленый... Такой — зеленый!.. Даже здесь, в доме, воздух насыщен цветом... Будто лимонад. (Короткое молчание.) Вы подрезали усики, правда?

МЕНАШЕ. Простите?

ИДА. Уски... На доме, вьюнок... Над дверью... Я обратила внимание. В прошлый раз, когда выходила.

МЕНАШЕ (делает вид, что погружен в свои бумаги). Минутку, хорошо?

ИДА. Да, извините. Я слишком много болтаю. Вы меня позвали. Вы хотите говорить со мной, а получается, что говорю я. Еще раз извините. Я такая — мама всегда говорила, что я как улей с пчелами, все время жужжу. (Замолкает ненадолго.) Можно присесть?

МЕНАШЕ (очевидно, одновременно с ней). Садитесь, пожалуйста.

ИДА. Простите? Да, конечно, извините. Спасибо. (Садится.)

Менаше встает из-за стола и принимается шагать по комнате за спиной Иды.

Оба молчат.

(Старается уследить за его передвижениями, поворачивает голову то в одну сторону, то в другую.) Знаете, я едва не грохнулась в обморок, когда мне сказали, что вы меня зовете. Что вы хотите говорить со мной. Я тут новенькая, никого не знаю, разве что чиновников в городском совете, и вдруг... Такой известный человек! Я видела ваш сад во сне. Это было смешно: во сне он был в России, в доме моих родителей. (Смеется.) Были утки, и перышки летели — все вместе, сад, утки, — будто погром!..

МЕНАШЕ (снова усаживается на свое место за столом). У меня нет времени.

ИДА. Да, конечно, извините.

МЕНАШЕ (не глядя на нее, мучительно подбирает слова; не знает, как подступить к тому главному, что он намерен сказать). Итак, да... Я проверил. То, что вы говорили... Относительно сырого бомбоубежища, которое вам предоставили. Совершенно верно, там невозможно работать.

ИДА. Я бы не стала обманывать.

МЕНАШЕ. Я не говорю, что вы обманываете. И я не собираюсь оправдывать совет. Я их прекрасно знаю, но я знаю также и обывателей. В данном случае вы несколько не преувеличили. Более того, мне стало известно и нечто более серьезное: они к тому же платят вам понапрасну. Разумеется! Общественные деньги — кого это волнует?

ИДА. Я не хотела. Я сожалею. Я...

МЕНАШЕ. Я не сказал, что вы. Вы готовы работать. Вы хотите работать, действительно хотите, я в этом уверен. Они — я возмущаюсь ими!

ИДА. Я понимаю. Простите. Просто это напугало меня — то, что вы сердитесь.

МЕНАШЕ. С одной стороны, они платят вам ни за что, а с другой стороны — не дают возможности ра... Работать, да! Если только это позволительно назвать работой.

ИДА. Простите?

МЕНАШЕ. Ничего. Вы не виноваты. Другие вообще ничего не желают делать. Вы, по крайней мере, пытаетесь делать хоть что-то. То же самое в отношении учеников. Они обязаны были позаботиться об этом! Не заставляя вас бегать по домам, как... Как торговку спичками! Да. То, что я хотел вам сказать... (Не в силах произнести.) Потому-то я вас и пригласил... Да-а... (Сердится.) Вы не изучали инженерное дело.

ИДА. Что?..

МЕНАШЕ. В России женщины изучают инженерное дело, не так ли? Механику, машиностроение. Даже горную технику! Это работа, настоящая работа. Производство.

ИДА. Не-е-ет... Я училась балету.

МЕНАШЕ. Израилю нужны инженеры, а не балерины! Добывать хлеб из земли! Собственным тяжким трудом! Прежде всего, хлеб! Упорным, кропотливым трудом! (Поднимается из-за стола, останавливается у нее за спиной.)

ИДА. К сожалению, это все, что я знаю, — балет. Может, и его-то... Не так чтобы очень... (Встает.) Мой муж был инженером. И коммунистом. Слишком коммунистом. Под конец ему не позволяли работать. Ничто не помогло. Все его товарищи-инженеры не сумели помочь. Он начал пить. Потом... Он замерз... В снегу... Я думала, это так — сугроб. Утром, когда вышла из дому... Прямо на тротуаре. Инженер, да...

МЕНАШЕ (за ее спиной). Садитесь, пожалуйста.

ИДА. Вы ведь все сказали, не так ли? Нельзя отчаиваться... В России тоже есть всякие люди...

МЕНАШЕ. Нет, я не все сказал!

Ида стоит минуту, будто в сомнении, затем садится.

(Расхаживает за ее спиной.) Итак, слушайте!

ИДА. Я не лошадь.

МЕНАШЕ. Простите?

ИДА. Так разговаривают с лошадьё — из-за спины.

МЕНАШЕ (стоит минуту в недоумении, затем возвращается на свое место за столом и произносит на одном дыхании). Не ради балета! Только учитывая ваши усилия не брать денег даром. И только при условии, что ничто в этом доме не претерпит ни малейших изменений! Вы будете все приводить в порядок — как было! Здесь некому заниматься уборкой, в этом доме нет хозяйки. Я вдовец, вы понимаете?!

ИДА. Нет, абсолютно ничего.

Боаз высовывается из своей комнаты, подглядывает.

МЕНАШЕ. И у меня имеется брат. Такой брат, такого сорта брат... Вы понимаете?

БОАЗ. Нет,нисколько. Я выхожу. Я вышел. (Выходит и тут же прячется.)

ИДА. Я ничего не понимаю.

МЕНАШЕ (все еще не в состоянии сказать того, что пытается, и потому раздражен). Вот ваша туфля! Много лет назад сюда прибыли молодые сионистки, пионерки еврейского заселения страны. Они трудились на прокладке шоссе, работали в полях — наравне с мужчинами, это была очень тяжелая работа. Им выдали рабочую обувь. Старые ботинки, которые остались от египетских рабочих, занятых в британской армии. На их нежных маленьких ножках — «вездеходы», оставшиеся от египетских рабочих! Вы понимаете? Они то и дело утопали в грязи. Возьмите вашу туфлю!

ИДА. Благодарю вас. Вот, все же не зря пришла.

МЕНАШЕ. Я еще не закончил. Я позвал вас не для этого. Я не до такой степени идиот. У вас нет места для вашего балета, не так ли? Я уступаю вам эту комнату, устраивайте здесь ваши уроки, куда городской совет не подыщет подходящего помещения. Три раза в неделю, не чаще. По часу. И после каждого занятия привести все в порядок!

ИДА (поднимается, потрясенная, начинает восторженно двигаться по комнате). Боже мой!.. Я не верю... Вся эта комната — и с садом! Я так вам благодарна! Вы...

МЕНАШЕ (указывая на Боаза). Его благодарите! Он... Из-за него! Лишь бы не оставаться с ним наедине двадцать четыре часа в сутки — напролет!..

ИДА (обнимает незаметно вновь оказавшегося в гостиной, а теперь очумевшего от неожиданности Боаза, целует его в обе щеки). Милый вы мой!..

Картина третья

Через несколько дней. Дверь в сад раскрыта, все освещено лучами заходящего солнца. Стол и стулья в гостиной беспорядочно сдвинуты в сторону. ИДА с ТРЕМЯ УЧЕНИЦАМИ заняты балетом. БОАЗ и МЕНАШЕ подглядывают, каждый из своей комнаты.

ИДА. И раз, и два, и три, и четыре... Нет, не так! С душой! Больше души! Это должно идти изнутри. Приподняться... Нет, не прыгать! Не лететь! Я вот летела, летела, а вышло, что прыгнула. Мы не птицы, мы всего лишь люди. Летим, как птица, а посмотришь — корова. Одной души недостаточно, нужна дисциплина. (Оборачивается к саду.) Посмотрите на сад! Не на меня, я не сад. Посмотрите на деревья, на ветви, как они тянутся — медленно, медленно, изнутри, не прыгают... Что ж, на следующем уроке постараемся сделать лучше.

УЧЕНИЦЫ прощаются: шалом, до свиданья, и выходят. Менаше появляется из своей комнаты.

(Говорит, словно бы обращаясь к нему, но, в сущности, просто размышляет вслух. В голосе усталость.) Это не балет. Это комедия... Позор! Совершенно непрофессионально. Я их обманываю. Себя обманываю. Нет таланта, этим все сказано. То не хватает души, то слишком много... И этот живот... Я ночью не спала, все строила планы и все казалось таким прекрасным! А теперь, при свете дня — в глазах темнеет... Для чего мне это?! Я могла бы остаться в Иерусалиме — без балета, ну и что? Там у меня друзья, по крайней мере, ходила бы на концерты... Кто сказал, что мне нужен балет? Мне нужно отоспаться! (Хочет выйти, останавливается, оборачивается к саду.) Может, это он виноват? Так прекрасен — и ночью, и днем... Вижу его и вспоминаю отца, себя вспоминаю... Какие были мечтания, какие претензии! Всегда все через меру!.. (Выходит.)

Менаше с раздражением взирает на беспорядочно разбросанную мебель.

БОАЗ. Что случилось? А, стол, стулья — пустяки! Сейчас вернется. Как в прошлый раз: забыла и вернулась. Вернулась и прибрала. Нельзя забыть? Хорошо, я расставлю.

МЕНАШЕ. Не трогай!

БОАЗ. А хоть и перевернуто, так что? Погляди: прелесть! Как перед Песахом — революция!

МЕНАШЕ. Если ты не замолчишь!..

ИДА (возвращается, говорит Менаше). Извините, я не знаю, что со мной: я забыла попрощаться. И потом, я так говорила с вами, будто вас вообще тут нет. Я утомлена сегодня. Извините меня. До свиданья. (Боазу.) Будьте здоровы. (Хочет выйти, останавливается.) Да... Вы так смотрите на меня... Как будто я что-то забыла. Как будто вы моя память! Я говорю глупости... (Выходит.)

МЕНАШЕ. Это то, что она забыла, — попрощаться!

БОАЗ. Я позову ее.

МЕНАШЕ. Ни с места!

БОАЗ. Подумайте — один раз я согласен, чтобы в доме была женщина, так он против!

ИДА (заходит и тут же бросается расставлять все по местам, двигает стол и стулья в центр комнаты). Простите, я совершенно забыла. Мне так стыдно — вы такой добрый человек, а я... Ведь обещала! Проснулась среди ночи и говорю себе: сегодня, Ида, ты не забудешь, ни в коем случае! Не знаю, что с моей головой... Одна солома там, полный кавардак... Прямо-таки визитная карточка: не Россия, не Израиль — ералаш, бестолковость!

Менаше подсакивает и принимается толкать стол обратно к стене.

Нет, нет, вы не должны мне помогать! Я все сделаю сама.

МЕНАШЕ. Я вам не помогаю! Я не на место, я наоборот — как было!..

ИДА (понимает вдруг). Нет, я все расставлю, я приведу в порядок...

МЕНАШЕ. Это не называется — приводить в порядок! Всякий раз я должен дожидаться, чтобы случилось чудо? Чтобы вы вспомнили и убрали? Безразличие, наплевательство — вот как это называется! Я ненавижу — ненавижу наплевательство! Я всю ночь не спал, понятно? (Подает ей стул.) Садитесь, мы должны поговорить. Нужно покончить с этим.

БОАЗ. О, да! Я его знаю...

МЕНАШЕ (Боазу). Отправляйся в свою комнату!

БОАЗ. Ты пригласил ее или нет? Сам пригласил и сам гонит!

МЕНАШЕ. Иди в свою комнату!

БОАЗ. Не делай мне этого при ней! (Выходит.)

Ида садится, Менаше принимается ходить за ее спиной. Ида поднимается, хочет придвинуть ему стул.

МЕНАШЕ. Сядьте, я сказал вам! Пожалуйста.

ИДА. Я только... Я не могу видеть, как вы мучаетесь. Это я виновата, а получается к тому же, что я сижу, а вы... По крайней мере, садитесь.

МЕНАШЕ. Я не желаю садиться! Мне надо мучиться! Вы не в состоянии хоть раз посидеть смирно? (Обнимает ее за плечи, чтобы усадить, но так и остается стоять, не снимая с нее рук.) Дело не в столе и не в стульях! Вы не понимаете? Дело в принципе! Это мера вашей ответственности! Если человек разбрасывает, он обязан привести в порядок! Я уступил вам комнату с условием, что будет порядок! Это элементарный долг. Порядочность. Держать слово! Вот этот сад — вы так

много о нем говорите, — поглядите на него: ему дают воду, удобрения, ухаживают за ним — он приносит урожай! Он не забывает! Не возвращается сказать: извините. Он помнит свой долг! Сознает свою ответственность. Он честен, он порядочен!.. (Смолкает, заметив вдруг, что держит Иду за плечи. Разжимает объятия, в недоумении смотрит на свои руки.)

Ида начинает смеяться — нежно, негромко, счастливо.

Чему вы смеетесь?

ИДА. Мой муж — он тоже был такой сердитый... Как он возмущался своей партией! И как обожал ее... Ах, вы в самом деле моя память...

МЕНАШЕ. Я ночь не спал, вы не понимаете? Это не смешно! У меня была жена — аккуратная, прилежная, тихая, бережливая. Даже детей она мне не нарожала. В доме был покой. Я спал по ночам, вы слышите?! Я ее вообще не замечал, сорок лет — понимаете? У меня был досуг, порядок, я мог работать! Этот дом был могилой! Я не знаю, кто вы, у вас нет рекомендаций, вы все время скачете, вы рта не закрываете, вертитесь, как павлин!..

ИДА (одновременно с ним). Я не знаю, что со мной случилось. Я веду себя глупо. Это балет!.. Чего я добиваюсь от них? Большого театра? Я силком затащила их в этот кружок, я не могу без балета... Я...

МЕНАШЕ. Я не маленький мальчик, на свете есть правила, принципы, нужно считаться с правилами. Я не могу вдруг измениться! Нельзя под конец — раз, и навалиться на мед — будто медведь... Чему вы смеетесь?

ИДА. Я не знаю — вдруг медведь, вдруг мед... От вас так хорошо пахнет, так замечательно!..

Берутся за руки и остаются так стоять. Молчание.

БОАЗ (входит в комнату, приближается к ним). Что ты делаешь? Что вы делаете?!

ИДА. Я знала, я знала! Любовь!.. Это у меня любовь! Израиль без любви? Человек с садом!..

МЕНАШЕ (не знает, что ему делать с ней, с самим собой, наконец склоняется перед ней, подставляет спину). Залезайте!

Ида забирается ему на спину, он подхватывает ее, скачет по комнате. Боаз, глядя на них, принимается было хохотать, но тут же смолкает, пораженный.

Картина Четвертая

Прошло еще несколько дней. Дверь в сад распахнута, снаружи светит солнце. Стол и стулья как попало сдвинуты к стене. БОАЗ стоит против ЦВИИ и что-то ей говорит. Цвия сидит на стуле, рассеянно прислушивается к его словам, смотрит в сторону сада. Между деревьями время от времени мелькают

ИДА и УЧЕНИЦЫ. Издали доносится их смех, главным образом, Идин.

БОАЗ (потрясая шляпой, которую держит в руках). Погляди, шляпа!

ЦВИЯ. Что?

БОАЗ. Ты не видишь? Это шляпа!..

ЦВИЯ. Да, шляпа.

БОАЗ. Шляпа? Это не шляпа! Это... Какая же это шляпа? Берет парижского художника! Она говорит: ему подходит! Купила для него на блошином рынке. Ты понимаешь?! Он, Менаше Циркин, с эдакой нашлепкой шагает по улице — на голове!.. Куда ты смотришь?

ЦВИЯ (обернувшись к саду, откуда то и дело доносится Идин смех). Что ей там смешно? Все время хохочет. Можно подумать, что мандарины рассказывают ей анекдоты! Это мы должны смеяться — хорошенькую шутку отмолил! И что с ним случилось? Практичный человек, обеими ногами стоит на земле, порядочные предки, здравый смысл и вдруг — такой финт!

БОАЗ. Это то, что я тебе все время пытаюсь втолковать: он повредился в уме! И это еще не все. Это еще пустяки! Ты не поверишь, если я расскажу: она ему спину намыливает! Он идет в ванную, она следом. Я слышал. Ты не понимаешь?! Они вместе в ванной! Можно подумать: бассейн в саду! Он возил ее в Тель-Авив. В оперу.

ЦВИЯ. Ты не прояснил мне ничего. Ты только кипятишься и кричишь.

БОАЗ. Потому что ты не понимаешь!

ЦВИЯ. Не такой уж ты великий праведник, Боаз, но психология у тебя настоящего праведника. Слишком много чувств и ни капли смысла! Шляпа, спина, опера — это все мне не поможет.

БОАЗ. А что тебе поможет? Мы обязаны что-то предпринять. Весь этот дом, весь сад — все тонет, погибает, вопит: спасите! Может, поговорим с ней, объясним ей?.. Может... Может, наплетем про него каких-нибудь гадостей?

ЦВИЯ. Не забывайся, пожалуйста.

БОАЗ. Хорошо, я не имел в виду ничего такого... Так что же?

ЦВИЯ. Попытайся все же вспомнить — ты уверен? Они не говорят про договор? Она ничего не просит — пенсию, квартиру?

БОАЗ. Опять ты за свое! Это не твое сватовство, это нечто совершенно иное!

ЦВИЯ. Женщина в таком возрасте обязана позаботиться о своем будущем. Да еще такая — без ничего. Это вполне естественно.

БОАЗ. Естественно! Существуют разные виды естественного. Ее естественное — совсем не такое уж естественное. В том-то и штука! Она и меня умудрилась поначалу провести. Я был за нее — ты это понимаешь? Я и сам не верю. Я не дал ему выгнать ее. Я нашел ее туфель! Целую ночь искал ее туфель, да! Весь трясусь, как вспомню!.. Я думал: такая вот — русская, революция, интересно... А вышло что? Женщина! Один черт! Даже хуже: еще и любовь. Ужас... Я ночи напролет не сплю! В жизни не прощу ей этого!

ЦВИЯ. Давай мыслить здраво, Боаз. Не надо сочинять поэмы. Как это она ничего не просит? И о свадьбе не говорят? Нет?

БОАЗ. Снова здорово! Не говорят они о свадьбе, в том-то и дело!

ЦВИЯ. О чем же они в таком случае говорят?

БОАЗ. Откуда я знаю? О чем они говорят?.. О... О чем говорит вода? О чем говорят лягушки? Говорят — о России, об Израиле, о балете. О... О саде! Главным образом о нем. Можно подумать: профсоюз садоводов! Сад да сад, и все одно и то же: до чего красив, до чего могуч, до чего пахуч!.. Одним словом — сад!

ЦВИЯ. Прекрасно.

БОАЗ. Прекрасно? Он ей все отдаст! Не квартиру, не пенсию — он ей отдаст и... и... Все отдаст! Ты не понимаешь? Она не должна просить у него, достаточно, что она его нюхает, дышит им! У нее нос — это лучше всякого договора! Нос, который знает, как вынюхивать сады! «Ах да ох!» Он тоже начал все эти штучки: «О! А-а!..» Оба вместе: «О-о!..», «А-а!..» Ничего особенного, только охи да ахи. Но между этими охами да ахами уплывает наш сад!

ЦВИЯ. Это прекрасно.

БОАЗ. Ш-ш-ш!.. Тихо! Он услышит. Только этого не доставало — чтобы он услышал, как ты говоришь: прекрасно!

ЦВИЯ. Это просто замечательно.

БОАЗ. Ты опять? Ты еще не поняла?

ЦВИЯ. Почему же? Пусть слышит. Напротив. Это так прекрасно, это... Да, слишком прекрасно. Слишком прекрасно, чтобы быть правдой. Чрезвычайно подозрительно! Более чем подозрительно. Отравы-то, знаешь, кроется в самом румяном яблочке! Так, во всяком случае, говорили у нас дома.

БОАЗ (минуту смотрит на нее молча, как бы переваривая услышанное, затем восклицает с радостью). Я понимаю! Да, я понимаю! Разумеется! Да, именно так — пусть вертит им, как хочет. Пусть говорит: красиво, прекрасно!.. Пусть он скушает это румяное яблочко! Пусть проглотит отраву!.. Это мне нравится. Ничего не скажешь — ты у нас голова! Профессионал!.. Я знал, кого позвать, а?

ЦВИЯ. Кого же еще ты мог позвать? Кто еще у тебя остался? После, если все уладится, опять начнешь вынимать из меня душу: он мой, возьму и вырублю собственными руками!..

БОАЗ. Нет, зачем же? Тебе тоже причитается. Твои доченьки, как же — тот же нос! Поговорим об этом после, сейчас это не важно. Сейчас главное вытянуть сад из-под ее носа! (Возбужденно.) Так как ты это сделаешь? Что скажешь ему? Ну, расскажи мне!

ЦВИЯ. Я не знаю. Это не так-то просто — разговаривать с водой, с птицами!..

БОАЗ. Какими птицами? Я сказал: лягушки!

ЦВИЯ. Ладно, там поглядим. Что-нибудь придумаем... Я должна — для его же пользы — удалить ее. Мирьям — вот женщина, которая ему нужна. Она на него и не сердится вовсе. Оставил ее спать на кладбище, а она, наоборот, еще говорит: тихий человек, деликатный. Смелая женщина. Просыпается, видит, что сидит на кладбище, одна, в совершенно незнакомом месте, почти в темноте уже, и ничего — встала и пошла себе на автобус.

БОАЗ (все еще с восторгом). И все-таки — давай подумай, как ты это сделаешь? А?

ЦВИЯ (неторопливо, будто в раздумье). Ты как Хаим. Каждый вечер он ко мне пристает: что ты будешь завтра готовить? Меня это злит. Не остается места ни для каких сюрпризов. Каких еще сюрпризов я могу ждать от жизни? Еще немного, и я тоже захочу любви. Тоже начну смеяться. Займусь балетом... Вот, не спала сегодня после обеда, и голова кружится!..

БОАЗ. Скажи хоть что-нибудь!..

ЦВИЯ. Этот ее смех... Бывают же такие женщины! У нас как будто все в порядке, все имеется, а они смеются!.. Можно подумать, что сад уже у нее в кармане. Мои девочки тут в прятки играли... Папа и мама еще были живы... Ноами, у нее, знаешь, склонность к возвышенному: чистила, помню, однажды апельсин, понюхала и говорит: «Ой, бабушка!..» Ничего, пусть себе смеется. У меня, слава Богу, всего хватает. Только вот ревматизм этот вдруг... Посылают делать биопсию... Второй раз уже. Даже на ревматизм больше нельзя положиться... Нет, это просто так, для пушей уверенности. Вообще, я уже начинаю ненавидеть этот сад. Красивый, ничего не скажешь... Я спать хочу...

БОАЗ. Ты меня не слушаешь! Ты дремлешь, мечтаешь! Видишь сны!

ЦВИЯ. Да.

БОАЗ. Что?

ЦВИЯ. Вчера, после твоего звонка, когда ты мне рассказал про нее, мне приснилось, что я пришла домой умирать.

БОАЗ. Ты окончательно сдурела!

ЦВИЯ (продолжает свое). Захожу я в дом, папа и мама сидят, не обращают на меня никакого внимания. Заняты, как обычно. Тогда я и говорю: «Я пришла умереть тут». Они оборачиваются ко мне — такие веселые, смеются, и папа, представь себе, поцеловал меня в голову! Так приятно было. Нисколько не страшно. Понятно — не на самом деле... Когда это в нашем доме смеялись? Радовались?.. Когда это папа меня целовал? Знаешь, идиотское такое блаженство...

ИДА с УЧЕНИЦАМИ снова мелькают среди деревьев, слышны смеющиеся голоса. Цвия с жадностью вглядывается в сад.

БОАЗ. Что с тобой?

ЦВИЯ (поднимается, собирает свои вещи). Я иду домой. Тут не мой дом, нет! Пусть себе сходит с ума, пусть делает, что хочет... Ему так нравится? Ему так приятно? Пусть! Меня это не касается. Что, он мне поможет — этот сад?

БОАЗ. Ты рехнулась? Что это вдруг?.. Нет!

ЦВИЯ. Сны вдруг... Смех вдруг... Хватит! В моем доме не смеются вот так — ни с того ни с сего! В моем доме можно чувствовать себя спокойно. Да, у меня есть свой дом! У меня есть муж, дочери!

БОАЗ. Я не понимаю... Ты это сделаешь, я уверен, ты знаешь, как это сделать!

Цвия. Неправда! Я не такая мерзавка. За что мне это? Я еще и не жила почти! Хитрости, уловки — что мне с этого всего? Избалованные доченьки с непомерными требованиями! Какая же я после этого мерзавка? Нет, я не стану ему портить, пускай хоть он поживет в свое удовольствие! Я пошла...

БОАЗ. Не уходи! Если ты уйдешь — все пропало!..

ЦВИЯ. У меня голова кружится... Мне это не нравится... (Покачивается от слабости.)

БОАЗ. Очень хорошо! Сядь, отдохни! Это у тебя пройдет. Он сейчас вернется, поговори с ним.

ЦВИЯ. Нет, я не хочу ему портить.

БОАЗ. Хорошо, хорошо! Уж что-нибудь ты да сделаешь...

ЦВИЯ. Нет. Я — нет!

МЕНАШЕ (входит снаружи, в прекрасном расположении духа, видит Цвию, говорит бодро). А, глядите — подкрепление прибыло! Здравствуй!

Цвия не отвечает, поднимается, смотрит на него, изумлена его цветущим видом.

Что? «Здрате» преступнику не положено? Что ты смотришь?

ЦВИЯ. Ничего. Я пошла. Пока, прощайте... (Без сил опускается на стул.)

МЕНАШЕ. Как всегда: пошла — и села! Действительно, зачем же прямо, если можно колесом?

ЦВИЯ (поднимается). Нет, нет, я пошла. Все вдруг поплыло перед глазами... Будто... Будто сейчас в обморок упаду... Ты хорошо выглядишь.

МЕНАШЕ. Ну, это веская причина, чтобы тебе упасть в обморок! Разумеется. (Усаживает ее.)

Сиди. Сиди тихо. (Указывая на шляпу на столе.) Я вижу, ты уже получила полный отчет: шляпа, опера, м-да... И это тоже — как же! (Усаживается против нее.) Быстро ты прискакала. В нашей семье покойники куда шустрее живых.

ЦВИЯ. Какие покойники? Пока еще нет...

МЕНАШЕ. Ты их адвокат! Как, не правда? Рухама, мир праху ее, папа, мама, благословенна их память, — они ведь твои клиенты! Я их позорю. И самого себя тоже. (Оборачивается к Боазу.)

Верно? Молчит... (Цвии.) Он стоит на страже моей чести! Бескорыстный рыцарь! Смелей, послушаем и тебя — выкладывай!

Цвия молча плачет.

Что бы это значило?

ЦВИЯ. Не знаю. Прости. Я рада — я думаю... Как вспомню, как ты выглядел в прошлый раз... Ты воскрес! Я счастлива видеть тебя таким. По крайней мере, хоть ты здоров.

МЕНАШЕ. Звучит слишком уж замечательно. Более чем замечательно!

ИДА с УЧЕНИЦАМИ снова появляются среди деревьев. Ида замечает Менаше, вбегает в дом.

ИДА. Менаше! (Обнимает его.) Что ты?

МЕНАШЕ. Ничего. Познакомься — моя сестра Цвия.

ИДА. Мы уже познакомились. Она чудная!

ЦВИЯ. Спасибо. Вы тоже.

ИДА (поправляет ей воротничок). У вас воротничок...

ЦВИЯ. Спасибо.

ИДА (Менаше, не снимая руки с его плеча). Ты как раз вовремя пришел! Мы начали кое-что новое. Знаешь, я нашла тему постановки. Удивительную! И все благодаря тебе. Ты подсказал мне.

МЕНАШЕ. Я?

ИДА. Я лежала ночью в постели и думала о тебе. Мне было так хорошо. И вдруг пришло в голову: «Сад»! Балет «Сад»!

Ученицы приближаются к дверям и, продолжая танец, заходят в дом. Цвия смотрит на них.

ПЕРВАЯ УЧЕНИЦА (смеется). Я — дерево! Я — апельсин!

ВТОРАЯ УЧЕНИЦА. Я — лимон!

ТРЕТЬЯ УЧЕНИЦА. А я — мандарин!

ИДА. Дайте мне сказать. (Менаше.) Мы еще не знаем, что мы с этим сделаем, мы только сегодня начали. Прежде всего, нам требуется информация, ты должен нам помочь!

Менаше удивлен и смущен. Ученицы, продолжая танцевать, понемногу сдвигаются в сторону. Цвия, как замороженная, следует за ними.

Менаше!

Менаше поднимает к ней лицо.

Что? Ты так смотришь... Что-нибудь случилось? Скажи...

МЕНАШЕ (говорит с трудом, через силу). Сад и балет! Не чересчур ли? Это шутка, не так ли? Я — апельсин, я — грейпфрут, я — мандарин...

ИДА. Это просто так. Я уже сказала! Я пока ишу. Но это хорошо получится, это должно получиться хорошо! И ты нам нужен для этого!

МЕНАШЕ. Делай что хочешь. Я в этом ничего не смыслю. Пожалуйста, без меня, договорились? Я обещаю предоставить материал в письменном виде.

БОАЗ (старается оттеснить Цвию от танцующих учениц). Что ты делаешь? Иди сюда, послушай!

Цвия словно не замечает его, продолжает глядеть на танец.

ИДА. Я хочу поставить балет этого сада. Этого сада! Он особенный, ты сам мне сказал. Такие огромные деревья, столько ветвей, буквально невозможно пройти!

МЕНАШЕ (польщен, хоть и старается не показать этого. В словах его звучит тайная гордость). Он слишком тесен, слишком разросся. Давно уже следовало бы проредить его, вырубить половину деревьев. Но у меня рука не поднимается. Разумеется, он просто запущен. Ни одной машины невозможно втащить, приходится обрабатывать его самыми примитивными способами.

Выпалываю сорняки вручную. И окапываю деревья вручную, мотыгой, оставшейся от отца. А кто еще сегодня согласится орошать сад с помощью канав? И канавы-то эти рою руками, как при царе Соломоне! А сбор урожая? Из-за ветвей лестницу к стволу невозможно приставить, приходится карабкаться по деревьям, как обезьяне! Никакой прибыли от него, одна морока, так — чудачество... Сада как такового давно уже нет, не существует, просто я... Ты понимаешь?

ИДА (ученицам). Слушайте, слушайте внимательно!

Менаше смотрит на нее с раздражением, со злостью, не в силах продолжать.

ИДА. Что случилось?

МЕНАШЕ. Я рассказываю тебе, чтобы объяснить, почему «нет», а ты переворачиваешь так, будто я говорю «да»! (Хватается за стул и поднимает его в воздух.) Все, хватит! Достаточно! (Опускает стул на место.)

ИДА. Прости, я виновата. (Оборачивается к ученицам.) Пойдемте, девочки. В другой раз.

ИДА с УЧЕНИЦАМИ выходят в сад.

МЕНАШЕ (Цвии). Что — рада, да?! Нет, я тебе не доставлю этого удовольствия! (Снова потрясает в воздухе стулом.) Осел! Старый дурак! Нет сил... Как бы не так! Быть идиотом есть силы, старым ослом! всю жизнь им был — дурак набитый! Жить с Рухамой хватало сил, да еще держать при себе этого Боаза! Ради них усмирять себя, давил себя, а ради нее — нет? Щебень грызть я могу, стеклом закусывать — могу, а медом лакомиться — нет, не могу?! Почему бы и не превратить его в балет, этот сад? Вскapyвать его руками можно — безумие, полное сумасшествие! А танцевать его — запрещено? Пусть делает балет! Она всю свою душу вложила в этот балет!

Цвия садится и плачет.

Опять?

ЦВИЯ. Я не знаю, что со мной творится... Я так хотела учиться балету, когда была маленькая, а мне не позволили, смеялись. А теперь здесь, в этом доме, балет, и ты... Все, что ты говоришь, — от тебя так и пышет здоровьем, — здоровьем, красотой, умом... Я хочу домой! Позволь мне уйти, Менаше. Это верно, я пришла, чтобы все испортить. Пришла испортить, проклясть тебя, а теперь благословляю!.. Счастья тебе, Менаше...

МЕНАШЕ. Звучит еще более прекрасно. Безумно прекрасно! Безумно подозрительно. Слишком уж подозрительно!

ЦВИЯ (уже не плачет). Случаются иногда чудеса... У тебя случилось чудо. Она — эта женщина — чудо, разве не так? Слишком прекрасно... Да, слишком...

МЕНАШЕ. Что ты хочешь этим сказать? Что именно тебя в ней не устраивает?

ЦВИЯ. Я не сказала: не устраивает, я только сказала: хорошо, прекрасно, чудо. Со мной тоже может случиться чудо, почему бы и нет? Мне тоже можно. (Снова плачет.) Ой, нет, опять!.. Не

обращай на меня внимания. Лишь бы ты был здоров, лишь бы был счастлив — по крайней мере, хоть ты. Отрава кроется в румяном яблочке, но она кроется и в ревматизме. Яблочко все же лучше. Да еще с балетом. Пусть у тебя хватит ума не погубить счастья, не отравить удовольствия, а все остальное не важно, ничто не важно!

МЕНАШЕ. О какой отраве ты говорила? Что не важно?

ЦВИЯ. Ничто.

МЕНАШЕ. Какое такое ничто?

ЦВИЯ. Никакое. Ничто... Ничто — это ничто, разве не так?

МЕНАШЕ. Только не у тебя! Твое «ничто» — это очень даже «что»! Подытоженное и приумноженное!

ЦВИЯ. Идиотизм какой-то... В кои-то веки я пытаюсь сделать что-то хорошее, доброе, желаю тебе счастья, а ты... Нашел интересную женщину, отважную, прямо как из романов, полную жизни, любви... Еще и балет преподает, любит тебя, любит твой обожаемый сад, все любит, а ты роешься, докапываешься, выискиваешь что-то...

МЕНАШЕ. Наконец-то! Выскочило шило из мешка! Какое это имеет отношение? То, что она любит сад?

ЦВИЯ. Менаше! Зачем тебе это?

МЕНАШЕ. Просто так. Меня это забавляет.

ЦВИЯ. Забавляет? Никогда не слышала от тебя такого слова. Что ж — с обновкой, носи на здоровье!

МЕНАШЕ. Отвечай мне! При чем тут сад?

ЦВИЯ. Да я просто так сказала. Это прекрасно — любить сад. Такая женщина — чувствительная, восторженная. У тех, что попроще, в ее положении в голове совсем другие вещи: денег просят, квартиру, чего-нибудь понадежнее — я должна тебе рассказывать? Это вовсе не плохо, это естественно. Лучше заранее знать, где стоишь, чем потом, в последнюю минуту, вдруг сюрприз... Но это не важно, не знать тоже хорошо. Не важно это, ничто не важно! Ничто не важно, кроме здоровья. Кроме жизни... (Снова плачет.) Почему это, когда я делаюсь доброй, я плачу? Добро делать — это ж не лук резать...

МЕНАШЕ. Какой еще сюрприз? В какую последнюю минуту? Отвечай мне!

ЦВИЯ. Что ты от меня хочешь, Менаше? Раскрой глаза, погляди вокруг — ты не видишь?

МЕНАШЕ. Что я должен видеть? Какие, по-твоему, она мне готовит сюрпризы? В последнюю минуту! Что она собирается у меня просить?

ЦВИЯ. Это не важно. Это совершенно не важно... Попросит теперь или после, попросит только квартиру и пенсию или вообще все... Не важно — дай! Дай ей! Живой, здоровый — почему не дать? И сад, и все...

МЕНАШЕ (смеется). Это то, что ты с самого начала хотела сказать, а? В последнюю минуту — сад, все!.. (Целует Цвию в голову.) Мысли твои глупые, грязные...

Поцелуй Менаше приводит Цвию в оцепенение. Она перестает плакать, смотрит на него.

Что ты смотришь? Неправда?

ЦВИЯ (уже не просто плачет, рыдает в голос). Я боюсь, Менаше. Я не хочу болеть этой болезнью! Мне делают биопсию, ты понимаешь? Уже второй раз! Мне страшно...

МЕНАШЕ (не обращая внимания на ее рыдания). Глупые грязные мысли! Она и не помышляет у меня просить! Уж точно, не деньги... Вообще ничего. Даже о свадьбе не заикается. Я ее буду просить, чтобы вышла за меня. На коленях стану просить! Все, что у меня есть, запишу на ее имя! И сад тоже!.. Именно потому, что она ничего не просит, отдам ей все! (Замолкает, затем повторяет медленно, тихо, словно охвачен внезапной неуверенностью, словно боится снова услышать свою последнюю фразу, уразуметь ее смысл.) Да, потому что она не просит ничего, я дам ей все. Именно поэтому. Потому что она не... Потому что она... Нет, что ты хочешь этим сказать?!

Цвии уже нет в комнате, она вышла тихо, так что Менаше и не заметил. Он продолжает говорить.

(С внезапной злобой.) Нет, она ничего не просит, именно чтобы я дал — вот что ты хочешь сказать! Грязные твои мысли!.. Я не желаю тебя слушать, я не желаю видеть тебя! Убирайся из этого дома! Где ты? (Выходит вслед за Цвию.)

БОАЗ. Яблочко делает свое дело! А я-то уж начал бояться — да еще как бояться! Она ведь и вправду вдруг сделалась добренькой. Совсем с ума сошла — всерьез! Отдай ей, наслаждайся, не хочу портить... Ну, какое счастье!.. Если бы нарочно старалась, не сумела бы так! Прямо-таки отменная работа, ювелирная! Все натурально, все естественно — как раз потому, что не хотела. Продолжайте, продолжайте в том же духе — будьте добрыми, хорошими, благородными! Не пытайтесь ничего никому испортить, все уладится само собой! В конце концов все уладится!

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

Действие второе

Картина первая

День клонится к вечеру. Урок балета. УЧЕНИЦЫ танцуют, ИДА сидит понурая, усталая, печально уставившись на огромный живот одной из учениц.

ПЕРВАЯ УЧЕНИЦА (Иде). Как теперь? Лучше, да?

ИДА (погружена в свои мысли). Простите? Да...

ПЕРВАЯ УЧЕНИЦА. Мне кажется, уже хорошо получается. Очень хорошо, правда?

ИДА. Да.

ПЕРВАЯ УЧЕНИЦА. Интересно — я тоже это почувствовала. Теперь замечательно вышло, правда?

ИДА. Да, спасибо.

ПЕРВАЯ УЧЕНИЦА. Извините?

Ида касается рукой ее живота.

Что?

ИДА. Нет, ничего. До свиданья, идите.

ПЕРВАЯ УЧЕНИЦА. Мы закончили?

ИДА. Да.

УЧЕНИЦЫ прощаются: шалом, до свиданья, и уходят. Со стороны сада появляется МЕНАШЕ, останавливается перед дверью во дворике с охалкой только что обрезанных ветвей. Ида подходит к нему. Менаше словно бы молча изучает ее.

Ой, Менаше!.. Как это я не видела тебя? Здравствуй, как дела?

МЕНАШЕ. Как твои дела? Как прошел урок?

ИДА. Хорошо. Очень хорошо. Нет, не хорошо, плохо! Очень плохо. Весь этот балет... И я еще говорю им: чудесно, замечательно, прекрасно! Они требуют от меня, и я уступаю! Все довольны, только бедное искусство страдает. Такая провинциальность! У нее ребенок в животе, можно уже видеть, как он там дышит себе потихоньку. Вот это и есть настоящее, простое, прекрасное, а она!.. Зачем ей балет? Да еще такой балет! Получается карикатура, да — корова получается. Слишком изящная тема, слишком прекрасная. Мне надоело, мне скучно, я бы напилась, пожалуй, если бы только не так сильно ненавидела водку! Что мне делать?

Менаше не слишком прислушивается к тому, что она говорит. Он озабочен своими мыслями и возится с обрезанными ветвями. Уколовшись о шип, отдергивает руку.

Что это? Ты укололся?

МЕНАШЕ. Ерунда.

ИДА. Я что-нибудь не так сказала? Ой, прости, я, верно, опять говорила про сад. Я ведь обещала тебе, что не буду.

МЕНАШЕ. Ты не говорила про сад, и я вовсе не просил тебя не говорить о нем. Не делай из меня клоуна!

ИДА. Не так уж много ты просил... Ой, у тебя вся рука в крови! (Берет его руку в свою.) И колючка застряла! Подожди, я сейчас вытащу...

МЕНАШЕ. Не надо. С лимонами это всегда так, я привык.

ИДА. Что значит — привык? Привык оставлять колючки в руке? (Разглядывает его руку.) Да? Все эти черные точки... Я видела, но не знала, что это. Это все колючки?

МЕНАШЕ. Это чепуха.

ИДА. Ты как дерево. Да, ты самое настоящее дерево — из твоего сада! Прости, опять я... Нет, я просто не знаю, что со мной. Он прицепился ко мне, он... Что ни день, о чем бы ни говорила, обязательно: сад! Ну, вот, ты видишь — снова. От тебя так хорошо пахнет, но ты... Тебе нехорошо отчего-то... Что-нибудь случилось?

МЕНАШЕ. Ничего.

ИДА. Ты говоришь: ничего, а я знаю, что вовсе не ничего! Скажи, что случилось? Ты весь промок, как это я не заметила? Я сегодня ничего не замечаю. Опять прорвало трубу? Да, конечно, а я такая дурочка, морочу тебе голову со всякой ерундой — балет! Какой сегодня день?

МЕНАШЕ. Никакую трубу не прорвало! У меня в саду нет труб, я уже объяснял! Ты что, не слушаешь? Канаву!

ИДА. Прости?

МЕНАШЕ. Канаву прорвало! Оросительную канаву!

ИДА. Да, я забыла. И ты не мог перекрыть...

МЕНАШЕ. Мог! Разумеется, мог! Но не перекрыл! Вода текла, размывала все стенки, затопила все... Кубометры прекрасной, чистой воды, а я стоял и смотрел... Ребенок, который устраивает себе море. Не хватало только бумажных корабликов. Вода поднималась, а я как будто пил ее — словно кит... Часа два так стоял, смотрел на воду и думал о тебе...

ИДА. Я понимаю, нельзя лить понапрасну. Но ведь это только один раз. Это было приятно, правда? Такая мощь, стихия...

МЕНАШЕ. Я не мог двинуться с места, стоял как вкопанный. Вода текла медленно-медленно, и я чувствовал такую слабость... Это было приятно. И страшно. Это было... (Вдруг.) Выходи за меня замуж!

Ида смотрит на него, ничего не отвечая, словно не понимает, о чем он говорит.

Ты не слышишь? Выходи за меня!

ИДА (смеется). Ты такой милый! (Обнимает его.) Как хорошо от тебя пахнет! Я как моя тетя Сима, она, бывало, чуть что — падает в обморок. Все время должна была нюхать нашатырь. А я все время должна нюхать тебя! Твой запах, запах са... Я уже не уверена теперь, что это действительно такая уж удачная тема... Такого не бывает. Нужно только терпение.

МЕНАШЕ. О чем ты говоришь? Я прошу твоей руки! Ответь мне! Прямо и просто — да или нет. Каждую ночь я провожаю тебя — провожаю, возвращаюсь к себе и не сплю. Я не могу выдерживать этого потопа, этого наводнения — каждую ночь! — ты не понимаешь?! Я не мальчик для развлечений, мужчина и женщина должны быть женаты. Я не любил Рухаму, так она была моей женой, тебя я люблю, так ты не моя жена? Жена для меня — не любовь, только кладбище? Только наказание, камушек в ботинке? Сорок лет она была моей женой, и я не вытряхнул ее из ботинка! Не было никакой причины, даже детей не было, я думал, что так и должно быть — камушек в ботинке! Мне было удобно так — с камушком в ботинке. Ты научила меня жить иначе — жить!

ИДА (радостно). Боже, в каких только квартирах я не жила! И вдруг дом — этот дом... Покой наконец... В Израиле... Такой дом, целый такой дом? И целый...

МЕНАШЕ. Да! Да! И целый!.. Целый этот сад, да!

ИДА (по-прежнему восхищенно). Зачем тебе это, Менаше? Балет, пожилая учительница — зачем? Я и молодая-то была невеликой радостью для семьи. Детей не хотела, все время только балет, искусство — без отдыха, без остановки, ни минуты покоя — ртуть, спирт! А теперь, на старости лет... Спирт пополам с водой... Ты когда-нибудь видел огонь на спирте с водой? Это катастрофа...

МЕНАШЕ. Что ты хочешь этим сказать?

ИДА (как будто соглашается принять его предложение, но уже без прежней радости). Это смешно — как мы вместе, в один и тот же день: у тебя вода, наводнение, а у меня — ее живот. Весь урок смотрела на этот живот! Я должна смотреть на ноги. Думала о своей жизни... Я не сделала ничего по-настоящему хорошего, полезного, и вдруг — ты... Снова семья... (Смеется.) Немножко живота... Покой... (Неожиданно пылко.) Это не для меня — покой! Я не могу так — покой! Я приехала сюда не ради покоя. Я должна работать, искать, добиваться! Искать, как сделать лучше и еще лучше! Покой помешает. Я обязана сделать что-то хорошее для Израиля. В Иерусалиме мне не позволили даже попытаться, слишком много русских, есть и более известные. Но я все-таки сделаю, я повезу их в Иерусалим, пусть все видят! Никто не посмеет смеяться! Поздно, да?..

МЕНАШЕ. Ты хочешь сказать, что не...

ИДА. Ты хотел бы любить меня меньше, правда? Без потопа, без наводнения. Так тебе было бы легче. Зачем же я стану соглашаться? Свадьба вместо любви! Нет, не стоит. Может, мне перебраться сюда жить? Чтобы тебе не приходилось провожать меня по ночам. И потом возвращаться одному...

МЕНАШЕ (неожиданно странным тоном, с горечью, с мукой — не в силах сдержать своих подозрений). А если запишу на твое имя? А? Все — и сад, весь этот сад, а?

ИДА. Я не понимаю... Что...

МЕНАШЕ. Что?! Чего ты вдруг не понимаешь? Ты его любишь, верно? Ты так его любишь!..

ИДА. Да.

МЕНАШЕ. Он будет твоим. Не просто поженимся — нет, разумеется, этого недостаточно! Я стар, умру, ты останешься без главного. Это то, чего ты хочешь, верно? Ради этого все красивые слова: поздно, не хочу покоя, перейду жить сюда?.. Пожалуйста: бери его!

ИДА. Что с тобой случилось, Менаше? Что-нибудь не в порядке?

МЕНАШЕ (оборачиваясь в сторону сада). Это не сад, это дьявол! Это все вместе, ты не понимаешь? Я сам не понимаю. Я тону, я... Видела ты когда-нибудь лошадь в упряжи, которая

вдруг заваливается на бок? Всем телом, всем своим весом! И не может уже подняться — из-за этого веса, из-за этой своей силы... Одни подозрения, одна грязь... Будто спасательный круг... Единственное, что поддерживает меня... Единственное, что мне понятно, моя опора... С этим я стою на ногах... (Падает перед ней на колени.) Ты меня вытащишь, ты!..

ИДА. Ты мой мальчик, ты мой ребенок... Что я стану делать с тобой? Как сказать «нет» саду, который опускается на колени? Вставай, мой сад...

Менаше поднимает голову.

МЕНАШЕ (опускает голову). Ничего.

БОАЗ появляется при последних словах в комнате и смотрит на них обоих.

Картина вторая

Поздняя ночь. МЕНАШЕ и БОАЗ в пижамах, каждый в своей комнате, не спят. Менаше в беспокойстве выходит в гостиную. Ходит из стороны в сторону, садится за стол, тут же поднимается, приближается к спальне Боаза, останавливается на пороге. Немного постояв, поворачивается и уходит к себе.

Закрывает свою дверь.

БОАЗ (выходит в гостиную, открывает дверь в комнату Менаше). Нормальный человек, человек, который вторично женится, в два часа ночи спит! Уже петухи кричат, не слышал? Это не петухи, это твой ангел смерти! (Уходит к себе.)

МЕНАШЕ снова выходит в гостиную, направляется к двери Боаза, останавливается в нерешительности.

(Выходит в гостиную.) Я теперь сплю! Я не женюсь, я сплю себе спокойно. Ты сумасшедший! (Уходит к себе.)

БОАЗ снова выходит, в беспокойстве шагает по комнате, усаживается за стол — на стул Менаше.

МЕНАШЕ выходит, видит Боаза на своем обычном месте, минуту стоит в нерешительности, затем приближается к брату.

БОАЗ. Да? А, разумеется! (Встает.) Твой стул. Даже в два часа ночи!

МЕНАШЕ. Можешь сидеть, я...

БОАЗ. Я теперь сплю! Спокойно сплю! Я не понимаю. Я... теряю рассудок! (Передразнивает Иду.) Как можно сказать «нет» саду, который опускается перед тобой на колени? (Указывая на сад.) За него она выйдет! Не за тебя. Она сама это говорит, а ты, вместо того чтобы бежать, ты — наоборот! — женишься! У меня от того голова лопается. (Уходит в свою комнату.)

МЕНАШЕ (самому себе). Нашел с кем говорить.

БОАЗ (входит). Скажи мне только одно, и я усну. Только одно! Зачем было становиться на колени? Если на ногах, так она уже не согласна получить его? Я в этом доме не останусь! (Поворачивается, будто хочет уйти, останавливается.) Тебе придется выставить меня силой! (Делает вид, что уходит, останавливается.) Что я стану теперь делать? (Уходит в свою комнату.)

МЕНАШЕ тоже уходит к себе.

(Выходит в гостиную, останавливается против закрытой двери Менаше.) Влюблен, да? Можно подумать!.. Я тоже влюблен! Госпожа Мендель из киоска — почему, ты думаешь, она все время на меня смотрит? Просто так иду себе по улице, а она смотрит. Такой уж я красавец? Да, я тоже! И к тому же она из Китая, это дальше, чем Россия. Целый час иногда сидит там одна, со всеми своими фисташками, со всеми вафлями, шоколадками — одна! (Уходит в свою комнату.)

МЕНАШЕ (выходит в гостиную, распахивает дверь в комнату Боаза). Я должен поговорить с тобой!

БОАЗ (в дверях своей комнаты). А с какой стати она подкладывает мне еще? Взвесит, а после еще подсыплет. Целую горсть подсыплет! С чего бы это, а?

МЕНАШЕ (обнимает его за плечи). Хватит тебе!

БОАЗ. Что ты от меня хочешь? Я устал, у меня голова трескается...

МЕНАШЕ. Я разбит, я не сплю — ты не понимаешь?

БОАЗ. Я еле стою, ноги подкашиваются...

МЕНАШЕ. Я больше не могу, это пытка, это кошмар!..

БОАЗ. Я спать хочу, я нуждаюсь в покое!

МЕНАШЕ. Я должен поговорить с тобой, посоветоваться, у меня никого нет, помоги мне!

БОАЗ. Я теперь сплю. Сплю себе тихо-мирно. (Уходит в свою комнату, закрывает дверь и тут же снова выглядывает.) Я закрываюсь на ключ! (Закрывает дверь, снова распахивает.) Я... Чтобы я тебе помог?

МЕНАШЕ. Да.

БОАЗ (молчит, ошарашенный). Чтобы я?.. Мне одеться?

МЕНАШЕ. Не нужно. Ничего, только выслушай.

Боаз медленно, как во сне, идет по комнате, садится за стол.

(ходит по комнате, останавливается, начинает говорить и умолкает.) Я... Ты понимаешь?

БОАЗ (поднимается со стула, пересаживается на обычное место Менаше). Садись.

МЕНАШЕ. А?

БОАЗ. Садись.

МЕНАШЕ. Ничего, мне так удобно. Я не в состоянии сидеть, ты не видишь?

БОАЗ. Мне так не удобно!

МЕНАШЕ (продолжает стоять, чувствует, что все равно не сможет обратиться за помощью к Боазу, пытается изменить тему разговора). Ты только скажи мне, в чем дело... В чем твои затруднения... Я тебе помогу. Я тебя забросил, я знаю...

БОАЗ. Это я сейчас помогаю тебе! (Силой усаживает его.) Садись, ты весь дрожишь. (Усаживается сам.)

МЕНАШЕ (решившись наконец). Зачем она это делает? Даже если она так уж его любит, она что, не в силах удержаться? Кто ее заставляет без конца говорить о нем? Она не видит, что со мной творится?

БОАЗ. По какому... По какому вопросу?

МЕНАШЕ (в отчаянье). А! А!..

БОАЗ. А — наконец-то! Наконец-то ты понял!

МЕНАШЕ. Но с другой стороны, если бы это было ее целью, она вообще не стала бы о нем заикаться. Старалась бы скрыть, не привлекать внимания.

БОАЗ. Нет, отчего же!

МЕНАШЕ. А может, наоборот, она именно и говорит, чтобы рассеять мои подозрения...

БОАЗ. Вот! Наконец-то ты ухватил!

МЕНАШЕ. А может, что-то совсем иное? Ты понимаешь? Она как будто хочет раздражить меня, разжечь мою любовь, ревность. Это смешно! Что тут еще разжигать? И так все горит, пылает... Дальше некуда. И к кому же я должен ревновать? К собственному саду?

БОАЗ. То, что ты сказал раньше, — в этом все дело.

МЕНАШЕ. Я схожу с ума. Как тут быть?.. Чтобы и жить, и покой...

БОАЗ. Хочешь, я скажу? Без женщин! Без них — это все!

МЕНАШЕ. Она порядочная женщина, прямая, простодушная. Удивительная! Ей от меня ничего не нужно, это я, мои мерзкие мысли... Я просто не способен понять ее, допустить что-то хорошее...

БОАЗ. О чем ты? Нет!

МЕНАШЕ. Ты не понимаешь? Я хочу ее — чтобы стала моей женой. В жизни я ничего так не хотел! Но в тот момент, когда она согласна, я начинаю подозревать... Ее согласие — как будто доказательство. Это значит, что я никогда не смогу, ты понимаешь!

БОАЗ. Я понимаю, конечно! Ты хочешь, чтобы я помог тебе отдать ей мой сад, я?!

МЕНАШЕ. Как мне выйти из этого... Из... Из самого себя! Как вылезти из собственной шкуры?..

БОАЗ. Еще бы! Когда ты уже начал отдавать! Теперь-то я понимаю. Ты вечером звонил из своей комнаты, я слышал. Дворину, твоему адвокату, этому умнику. Ничего у тебя не выйдет! Я выкорчую его, увидишь! Не топором — электропилой я его сведу: бз-з-з!.. Бз-з-з!!!

МЕНАШЕ (словно приходит вдруг в себя). С кем я говорю? У кого я прошу помощи? До чего я дошел...

БОАЗ. Я убью себя, я наложу на себя руки, если ты это сделаешь! Я повешусь в твоём саду, увидишь! Не только я — все самоубийцы, все до единого повесятся в этом саду! Не останется ни одного свободного дерева. Все убийства, все изнасилования, со всех городов, со всех парков, со всей страны — будут происходить в нем! И все трупы будут зарыты тут... Даже те английские сержанты, те бедолаги, которых повесили в сорок седьмом, они тоже будут болтаться здесь, на этих ветках!.. Все шакалы, все бешеные собаки — все сбегутся подыхать сюда. Какой скулеж тут будет стоять, какой вой — о, ты еще слушаешь! Не апельсины он станет приносить, а падаль, дохлятину... (Передразнивает Иду.) Какой чудный апельсин, ах, какой запах! Запах!.. Вы станете его чистить — вдвоем, с ней вместе, да еще папочка ее драгоценный в придачу! — а внутри не дольки, нет! Внутри, в каждом апельсинчике — маленький аккуратненький трупик!

Менаше стоит неподвижно и смотрит на него.

Что ты смотришь?

Менаше не отвечает.

Я иду спать! Мне надоело!

Менаше бьет его (или замахивается на него половой щеткой).

Что? Нет!

МЕНАШЕ. Ты получишь у меня сад, получишь! Удавься с ним вместе. Он будет твой, твой! (Отходит от Боазы, распахивает двери в сад.) Проклятый сад! Душегуб!.. Давай, иди к нему, ступай! Уж он-то о тебе позаботится!

Свет полной луны заливают комнату.

Картина третья

Спустя несколько дней, после обеда. Дверь в сад распахнута. Входит ЦВИЯ,

заглядывает по очереди во все комнаты — в доме ни души.

ЦВИЯ. Менаше!.. (Не получает ответа.) Что ж это такое? Он с ума сошел! Весь дом нараспашку, никого нет, любой, кому не лень, — пожалуйста, заходи, бери что хочешь! Ой, нет!.. (Снова обходит все комнаты, заглядывает во все двери.) Да что ж это я делаю?.. Думай, Цвия, думай! Головой думай! Он сумасшедший, он нездоров, но ты-то, слава Богу, выздоровела. Ты тоже была больна, но это прошло. Что там больна! (Передразнивает самое себя.) Отдай ей, все отдай, ничто не важно!.. И сад отдай! Ой, нет! В глазах мутится, как вспомню... Хватит, прошло!.. Биопсия ничего не показала, никакого рака, так что теперь это всего-навсего ревматизм. Головой надо думать... (Озабоченно снует по комнате, снова распахивает все двери, заглядывает во все углы, даже под стол и под стулья.) Ты у меня не спрячешься, нет! Я не позволю, чтобы это случилось. Мне надо жить, я нормальный человек, у меня дочери, я вам больше никакая не добрая тетя. Никаких балетов, никаких чувств! Здравый смысл! Это тоже чувство. (Озирается беспомощно.) Только бы не выяснилось, что уже поздно. Что он уже отдал. Как узнаешь? Если что-нибудь нормальное отдают — вазу, например, — так сразу видно, что отдали, потому как нет ее. Нет, и все. А если отдают сад... Он все равно остается на своем месте. Поди знай, чей он теперь? (Оборачивается в сторону сада.) Сад этот... Нет, покуда он существует, не будет мне покоя. Хоть бы уж кто-нибудь его вырубил! (Направляется к входной двери.) Нет, я его найду! Я весь поселок перетряхну! (Выходит.)

ИДА заходит снаружи в дом, сдвигает стол и стулья к стене, останавливается, выходит в сад. Стоит некоторое время, затем принимается протирать листья на деревьях своим носовым платком. Чья-то фигура мелькает в глубине сада.

ИДА. Менаше!

БОАЗ (выходит из-за деревьев со странной улыбкой на лице). Шалом!

ИДА. Простите, я была уверена... Он всегда появляется вот так неожиданно... Из сада...

БОАЗ. Разумеется. Как же — он ведь тоже дерево. (Передразнивает Иду.) Прекрасное, душистое, крепкое...

ИДА. Извините, я должна подготовить помещение. Я начала... (Возвращается в дом.)

БОАЗ (идет за ней следом). Не хотите спросить, где он?

ИДА. Да...

БОАЗ. Я не могу вам сказать! Он поехал в Тель-Авив.

ИДА. Я понимаю.

БОАЗ. А вы не хотите узнать, зачем он поехал?

ИДА. Да.

БОАЗ. Почему же вы не спрашиваете?

Ида отодвигается от него в глубину комнаты.

Я не могу вам открыть! Он просил не говорить. Он хочет сам рассказать вам, когда вернется. Еще немного, и все будет кончено.

ИДА. Я понимаю.

БОАЗ. Нет, вы не понимаете!

ИДА. Нет.

БОАЗ. Зачем же вы говорите, что понимаете?

ИДА. Извините меня, у нас скоро урок.

БОАЗ (указывая на платок в ее руке). Вы протирали пыль с листков, я видел...

ИДА. Да, как-то так... Действительно, вытащила платок... Вдруг чувствую — обтираю им листья...

БОАЗ. Можно помыть с мылом. Еще можно отполировать лаком, как мебель.

ИДА. У вас такое чувство юмора...

БОАЗ. Это понятно. Он ведь скоро будет ваш — сад, а?

ИДА. Не знаю. Менаше что-то такое говорил... Что можно записать на мое имя тоже, с ним вместе. Что-то в этом роде, я думаю.

БОАЗ. А!.. Тут еще одна такая была — все думала. Мысли — хорошая вещь. Но электропила — будет вещь получше, верно?

ИДА. Простите?

БОАЗ. Электропила.

ИДА. Я не знаю. Извините, у меня скоро урок. (Снова принимается возиться со столом и стульями.)

БОАЗ (движется за ней следом). Действительно, красиво! Балет «Сад». Я — апельсин! Я — мандарин!

ИДА. Мы теперь сделаем это иначе.

БОАЗ. Как — теперь это варенье? Фруктовый сок?

ИДА. Простите?

БОАЗ. Балет «Апельсиновое варенье»! Балет «Лимонный сок»!
ИДА. У вас сегодня хорошее настроение.
БОАЗ. Тому есть причина. (Вытаскивает из кармана пачку проспектов и раскладывает их перед Идой.) Хотите поглядеть?
ИДА. Что?
БОАЗ (сгребает проспекты). Вам не полагается!
ИДА. Я не смотрела.
БОАЗ. Хотите посмотреть?
ИДА. Нет.
БОАЗ. Я вам не дам!
ИДА. Я и не хочу.
БОАЗ. Реклама электропил!
ИДА. Вы не обязаны мне рассказывать.
БОАЗ. Знаете зачем?
ИДА. Нет.
БОАЗ. Скоро узнаете! Пока нельзя говорить. Я оставляю это ему, пусть сам выложит. Вы ведь умираете послушать, правда?
ИДА. Не знаю...
БОАЗ. Не знаете. А вообще вы что-нибудь знаете?
ИДА. Я в самом деле не знаю...
БОАЗ. Я думаю, вы и балета не знаете. Скучнейший балет. Ни малейшего воображения.
ИДА. Может быть.
БОАЗ. Послушайте меня: введите в него электропилы. Будет гораздо интереснее. Бз-з-з!.. Это должно хорошо получиться вместе: сад и — бз-з-з! Электропилы валят деревья. На сцене это выйдет превосходно: стволы падают, ветви — вниз, корни — вверх!..
ИДА. Менаше очень любит сад. Слишком любит...
БОАЗ. Вот именно! В самую точку!..
ИДА. Я не понимаю...
БОАЗ (хохочет). Слишком, а?.. Слишком!
Входит МЕНАШЕ.
(Тотчас прекращает смеяться и некоторое время стоит, насупившись.) Я ничего не сказал, клянусь!
Я... Ты скажешь сам. Я ухожу. Да, я буду в моей комнате. Меня тут нет! (Уходит в свою комнату, тут же появляется снова.) Я закрываюсь на ключ. (Исчезает за дверью, снова выглядывает.)
ИДА (Менаше). Здравствуй!..
МЕНАШЕ (пытаясь скрыть растерянность и нарастающее отчаянье, деловито усаживается за стол и начинает энергичным самоуверенным тоном). Я хочу кое-что тебе сказать.
ИДА. Что случилось? Хорошо... (Тоже усаживается за стол.)
Менаше молчит, не в силах продолжать.
Хочешь чего-нибудь выпить? Ты выглядишь таким усталым... Ты ведь не любишь ездить в Тель-Авив.
МЕНАШЕ. С чего ты взяла, что я был в Тель-Авиве?
ИДА. Так ты там не был?
МЕНАШЕ. Я спрашиваю, откуда тебе известно, что я был в Тель-Авиве?
ИДА. Я не помню... А, это Боаз...
МЕНАШЕ. Значит, он все-таки сказал тебе!
БОАЗ. Нет, ни слова! Я клянусь. Я... Меня тут нет! (Прячется в свою комнату и прикрывает дверь.)
МЕНАШЕ. Что именно он сказал?
ИДА. Разные вещи... Ты же знаешь, как это у него — сплошная путаница... Что ты поехал в Тель-Авив. Это я помню... Потому что ты не любишь... А что случилось? Из-за чего весь сыр-бор?
МЕНАШЕ. Я сейчас расскажу тебе. Все. Без утайки. Без всяких предисловий. Я... (Не в силах продолжать.)
ИДА (вскакивает). Ой, я поняла! Это вовсе не важно. Менаше, в самом деле, это абсолютно не важно!
МЕНАШЕ. Что не важно?
ИДА. Ты поехал записывать сад на мое имя, да? И у тебя не получилось. Оказалось, что-то там не в порядке, да? Поэтому ты такой усталый и сердитый. Не надо! Это не важно. Запишешь через неделю, через год. Мой чайник — он тоже не записан на мое имя. Он вообще не мой, мне его принесли друзья, ну, так и что? Можно подумать, что я не пью чай! Мне и так хорошо...
МЕНАШЕ. В самом деле, тебе это совершенно не важно?
ИДА. Разумеется, нет! (Глянув на него, спешит поправиться.) Нет, я, конечно, рада. Одно то, что ты хочешь записать... Что ты хочешь это сделать для меня... Это мне важно! Это главное. Нет, то, что ты мне его даешь, — это еще важнее. То, что ты готов поделиться со мной самым дорогим. У меня ничего нет, даже чайник — и тот не мой, и вдруг — целый сад!

Менаше горько усмехается.

Да, правда, это смешно. Чему ты смеешься?

МЕНАШЕ. Минуту назад ты сказала, что тебе это совершенно не важно.

ИДА. Не знаю, как объяснить. Я хочу успокоить тебя, сказать что-нибудь хорошее, а ты... Не важно — плохо, важно — тоже плохо. Я уж просто не знаю...

МЕНАШЕ. Не надо меня успокаивать. Скажи правду.

ИДА. Это правда. Я хочу, чтобы тебе было хорошо. Ты думал, что я тебя обманываю?

МЕНАШЕ. Нет, ты не виновата, это он! Ты слишком любишь его!

ИДА. Чем же это плохо — слишком любить? Иначе к чему и жить? Скучно будет.

МЕНАШЕ. Нельзя жить среди вечного потопа!

ИДА. Ты хочешь сказать обо мне что-то нехорошее, я чувствую. Я в чем-то виновата?

МЕНАШЕ. Нет, нет! Я не меньше твоего виноват! Больше.

ИДА. В чем же мы виноваты?

МЕНАШЕ. Ты не видишь? Между нами все хорошо, пока мы его не касаемся. Тогда все портится!

Ты... Слишком, да! Все... Я, наоборот... Я сделался недоверчив, подозрителен, жаден — грязен, да, грязен! Он прекрасен, а я!..

ИДА. Это неправда. Просто ты нервный, раздражительный человек. Мой муж, под конец он только сердился. Ничего от него не осталось, только он да его партия, и больше ничего! У тебя есть сад, ты каждое утро просыпаешься, чтобы работать в нем, ты... Как ты любишь его, как упорствуешь!.. Ты и он, вы оба вместе...

МЕНАШЕ. Ты все валишь в одну кучу! Твой муж — это твой муж, а я — это я!

ИДА. Почему ты кричишь?

МЕНАШЕ. Нет больше сада, вот почему! Сад теперь Боаза! Я передал ему, я переписал на его имя!

ИДА. Милый ты мой! Ты думал, это меня огорчит? Из-за этого ты такой? Почему же ты сразу не сказал? Это все упрощает. Теперь нет никакой надобности записывать на мое имя. И тебе не придется все время думать: важно мне, не важно!.. А Боаз — как он обрадуется! Что ты смотришь? Разве не правда? Разве это не хорошо? Тебе это не будет мешать, он все равно не станет возиться в саду, это ясно, ты сможешь продолжать делать все, что хочешь. Работать, поливать... Может, это даже выгоднее так? Я в этом не разбираюсь, но, наверно, есть налоги. Пусть он платит налоги, а тебе останется одно удовольствие! Я рада, очень хорошо. Мне тоже станет легче — как вначале... Так было красиво, интересно. Потом со всеми этими разговорами: передать мне, не передавать, хочешь его, не хочешь — сделалось как-то скучно. Все стало таким провинциальным...

МЕНАШЕ (с мукой в голосе). Хватит! Хватит!..

ИДА. Что случилось?

МЕНАШЕ. Он его, я не смогу больше в нем работать. Он вырубит его, вырубит, вырубит!..

ИДА. Я не понимаю. Что значит — вырубит? Что это — «вырубит»?

МЕНАШЕ. Ты не знаешь, что значит: вырубит? Срежет, спилит — пилой! Бз-з-з, бз-з-з!.. Я перевел без всяких условий. Когда решаешься что-то сделать, нужно делать — без проволочек, без сожалений! Пусть даже больно... Чем больнее, тем выше награда...

ИДА. Ничего подобного! Это не верно! Сад... Такой сад!.. Все эти деревья — вырубить?

МЕНАШЕ. Да, деревья! А что же еще вырубает? Бумажонки? Пустые разговоры? Деревья, деревья вырубает!..

ИДА (в ужасе). И ты знал? Знал заранее, что он вырубит, что он погубит? Знал и все-таки согласился, пошел на это?

МЕНАШЕ. Знал — не знал! Какая разница? Если даешь, надо давать, не цепляться за хвост, не задавать вопросов! Конечно, знал! Что ты от меня хочешь? Эти деревья... Они мои... Мои... Всего себя я в них вложил. Они — это я сам. Тело свое, душу свою я распиливаю! Ты смеешься? Чему ты смеешься?

ИДА. Россия, Израиль — одно и то же... Что ты, что он — та же история... Мне это уже знакомо: человек терзает, увечит себя, и тогда ему все дозволено.

МЕНАШЕ. Сад — вот что тебя терзает! Без сада жить можно, без доверия, без понимания — нельзя!

ИДА. Может, ты меня и любишь, но партию свою ты любишь больше...

МЕНАШЕ. Какую партию? При чем тут партия?

ИДА. Не знаю... Истину свою... Не знаю что... Прежде он, теперь ты. То, что он оставил, ты приканчиваешь. Ты так же, как он и его партия: сначала все радуются, верят в новый прекрасный мир, а потом уже не верят ни во что. Никому не верят... Головешки... Уже обуглились, а все мечтают жечь, палить. Ничего другого не хотят, только жечь, сжигать!.. Все будет скверно, плохо, скучно... Ужасно скучно. Я такая — плохое меня заставляет скучать. Может, поэтому из меня и не вышло настоящей артистки. Все только хочу чем-то быть, всегда хочу больше. Больше, чем следует, да. Может, это у меня внутри что-то скверное, скучное. Я пойду к себе, пойду спать...

(Поворачивается к выходу.)

МЕНАШЕ. Что значит — спать? У тебя урок! Твои ученицы... Ты ведь не собираешься?..

ИДА. Мне страшно. Все, что ты любишь, ты вырубашь, да? (Хочет уйти.)

МЕНАШЕ (в отчаянье). А ты? Что ты сейчас делаешь? Черт знает что! Все, что между нами, — это меньше, чем сад, да? Что с тобой будет? Куда ты пойдешь? Так, вдруг? Что станешь делать?

Ида останавливается, оборачивается к нему.

(Вскакивает, останавливается перед ней, усмехается, говорит с усилием.) Ты ничего не понимаешь... Ты просто глупышка! Этот сад... Он гроша ломаного не стоит! Он старый набитый дурак. Упрямец, гордец! Ничего в нем нет, он умер... Умер! Пусть умирает... А мы будем жить. Раньше, до того, как я познакомился с тобой, я был не способен отдать — вот так, — просто взять и отдать! Подарить, выбросить... Ты научила меня тому, что существуют вещи поважнее, чем имущество. Но ведь тогда — и чем красота, не так ли? Не так ли?! Ты моя девочка! (Протягивает к ней руки.) Иди ко мне! Ты мой сад.

Ида делает шаг ему навстречу, останавливается. Охваченная внезапной слабостью, хватается за спинку стула...

У нас и без сада найдется, чем заняться, верно? Сам по себе я разве ничего не стою? Я ведь не только человек с садом! (Кричит.) Чересчур, да? Слишком — и сад, и ты? Я отдал его, чтобы мы могли быть вместе! Слишком, да?

Ида медленно идет к нему.

Да, да, иди ко мне!

Она снова останавливается, хватается за спинку другого стула.

ИДА. Что это со мной? Я до такой степени устала? Да, я тоже постарела... Увидела дыру в заборе и залезла... И вот что вышло... Старые женщины не должны лазать по чужим садам.

МЕНАШЕ. Ты не старая, нет! (Подбегает к ней, сгибается, указывает себе на спину.) Мы начнем все сначала! Залезай!

ИДА. Нет, я не хочу, с какой стати?

МЕНАШЕ (тащит ее, силком взваливает себе на спину, сгибается под тяжестью ее тела). Залезай, залезай...

ИДА. Отпусти меня, это глупо. Нет!

МЕНАШЕ. Да, да, да! (Скачет вместе с ней по комнате, взволнован, ничего не видит перед собой, наткнется на стул, качается от усталости и падает на пол.)

ИДА (падает вместе с ним, лежит и хохочет). Сначала? Прости, извини меня... Это глупо... Все это... Как дрянной оркестр... Слабый спектакль... Непрофессионально. Что я могу поделать? Я испорченная, избалованная. Я из Москвы, не из Вильнюса. Люблю красивые вещи... Все хорошее... Прямо проклятие какое-то. Что я могу с собой поделать? (Поднимается с трудом.) Что со мной? Не могу уже встать на ноги? (Менаше.) Вставай, пожалуйста! Не хочу этого видеть. Вставай, вставай! Я тоже не молодая.

Менаше поднимается. Стоят и молча смотрят друг на друга. Ида не спеша направляется к выходу.

(Останавливается.) Всю жизнь чего-то ищу, сама не знаю чего. Такая душа у меня ненасытная — всю жизнь она мне отравила, все силы высосала. Теперь последнее тянет. Ничего уже нет, а она все тянет, тянет, все требует. Правда, куда я пойду теперь? Что я буду делать?

МЕНАШЕ. Возвращайся! В Россию свою возвращайся! В Москву свою! Там все хорошо, все красиво, там никто... Там сады цветут вечно! Туда возвращайся!

ИДА (глядя на сад). По крайней мере, теперь, может, и не вырубят... Ты его отдал, чтобы не думать обо мне плохо. Он не виноват. Меня не будет, ты не обязан... (Уходит.)

МЕНАШЕ (оборачивается к Боазу, который давно уже подглядывает из-за своей двери). Руби! Руби давай! Чего ты ждешь? Начинай, пили! (Без сил падает на стул возле стола.)

БОАЗ (широко распахивает свою дверь, выходит на середину комнаты). Ты мне не указывай, что мне делать. Вырублю, когда захочу. Время у меня есть. Пускай теперь подождет. (Наливает воды в стакан и подает Менаше.) На, выпей. (Оборачивается к саду.) Вырублю, не волнуйся — понемножку. Когда у человека имеется сад, он даже может позволить себе быть добрым и щедрым.

Конец